

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРАКТИКА И ФОРМА ОБУЧЕНИЯ ПОЛЕВОЙ РАБОТЕ

Никита Покровский

Никита Покровский – ординарный профессор, заведующий кафедрой общей социологии, департамент социологии, факультет социальных наук НИУ ВШЭ. Адрес для переписки: ул. Мясницкая, 9–11, Москва, 101000, Россия. npokrovsky@hse.ru.

1. Расскажите, как и когда возникла идея проведения выездных полевых исследований? В какие места и как надолго Вы выезжали? В каких условиях приходилось жить? С какими практическими сложностями сталкиваться (на этапе подготовки/реализации проекта)?

Можно с предысторией? Прежде всего, о самом концепте «социологическая экспедиция» и о социологической экспедиции как таковой. Мне не очень понятен смысл неожиданно проснувшегося у социологической и околосоциологической публики интереса к этому жанру и явлению. Десятилетиями все молчали и ничего не обсуждали на сей счет и вдруг в едином порыве разъехались по России и окрест в формате экспедиций. Все об этом заговорили, словно нет темы важнее. Мода, что ли, воцарилась на поездки? Похоже на это.

А ведь, по сути, жизнь профессионального социолога и есть одна нескончаемая экспедиция вне зависимости от того, к какой географической плоскости она привязана и по каким направлениям движется. Неслучайно Питирим Сорокин назвал свое, на мой взгляд, лучшее произведение «A Long Journey». Так оно и есть, «долгий путь» социолога по всей своей жизни. Это и есть настоящая экспедиция, а не краткосрочный выезд на социологический пленер.

В порядке мемуарных заметок могу сказать, что мой первый выезд за МКАД, так сказать с научными целями состоялся в 1969 году на первом курсе философского факультета МГУ. Дело в том, что в те годы летняя занятость студентов считалась по-комсомольски обязательной, и мне предоставили две альтернативные возможности: либо с отрядом «добровольцев» строить коровник в Казахстане, либо поехать в социологическую экспедицию в сельские районы Ставропольского края. Почему-то я выбрал последнее. Под руководством профессора И.М. Слепенкова философская молодежь провела месяц в станице Калиновской Новоалександровского района Ставропольского края. Это было интересно. Это было тяже-

ло. Здесь не место предаваться воспоминаниям, когда-нибудь потом. Но просто для протокола зафиксирую: мои экспедиции начались весьма давно и мне есть, что с чем сравнивать и во времени и в пространстве.

А теперь, собственно говоря, о нашей экспедиции «Угорского проекта».

«Угорский проект» (по имени близлежащего к нам села Угоры) возник и развивался постепенно, «снизу вверх», как растет дерево, можно сказать, естественным образом.

В 1996 году Н.Е. Покровский (позвольте я о себе в третьем лице – немного странно, но пусть), в то время профессор социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, решил приобрести для сугубо личного пользования дом в сельской местности на максимально разумном удалении от Москвы. При этом никаких социологических помыслов у него не было и в помине. После многочисленных консультаций со знакомыми, имевшими опыт сельской жизни, и поездок в Вологодскую область, выбор все же пал на Костромскую область, а именно, деревню Медведево в Мантуровском районе на правом берегу среднего течения Унжи, притока Волги. Решающим обстоятельством в окончательном выборе стала природная эстетика, ландшафты, трудно передаваемая словами «духовная» атмосфера деревень, полей, таежных лесов, реки Унжи, всегда открытого огромного неба. Все это завораживает горожанина и, можно сказать, приковывает намертво. «Кейс Покровского» довольно симптоматичен. Траекторию Покровского в той или иной степени проходили все ныне немалочисленные городские обитатели деревни Медведево. Сходное воздействие испытывают и участники международных научных конференций, в течение многих лет проводящихся на базе Сообщества профессиональных социологов в Медведево. (В 2015 году в мае прошла уже шестая междисциплинарная конференция.) От первой реакции «Зачем мы здесь оказались, в этом захолустье?» быстрый переход к высказыванию «Как тут замечательно, ни на что не похоже, испытываем особое чувство восторга, нельзя ли купить дом?!». Во всем этом нет места мистике, а есть определенная логика психологического воздействия, в общих чертах обозначенная в классическом философском трактате Генри Торо «Уолден, или Жизнь в лесу».

После приобретения традиционного сельского дома (1918 года постройки) и земельного участка, к нему прилегавшего, для Н.Е. Покровского начались деревенские университеты бытового обустройства жизни в абсолютно новой среде, ремонты, перестройки, установление связей с односельчанами и сельским начальством. Главное впечатление от первых лет, сохранившееся и поныне, – это чувство свободы самореализации. В отличие от города, тем более, мегаполиса, где все зарегулировано и регламентировано, деревня предстает зоной свободы, где, в общем и целом, все возможно и доступно, будь на то воля и довольно скромные средства.

После нескольких лет, проведенных в летние сезоны в деревне, стали возникать замыслы подвергнуть окружающий деревенский уклад жизни научному анализу. И если прежде для Н.Е. Покровского все разделялось на составные части: в Москве – профессиональная работа, наука, преподавание, а в деревне – отдых, приватная сфера личных интересов, то довольно скоро эти сферы стали соединять-

ся. К сегодняшнему дню можно констатировать, что обе сферы значительно интегрированы друг с другом. Деревня превратилась в поле профессиональной реализации научных интересов Н.Е. Покровского (и в меньшей степени местом чистой рекреации), здесь же из отдельных компонентов складывается учебный процесс (приезжают на практику студенты, магистры, аспиранты), это место стало также полем международных научных обменов (зарубежных коллег в немалой степени интересуют именно глубинные районы России, а не аудитории московских университетов и конференц-залов). Деревенский мир представлялся оригинальным, малоизученным, в общем и целом, неизвестным для столичных социологов и зарубежных коллег. Более того, замысел исследования изначально, даже в своей интенции, не подразумевал «крестьяноведческой» направленности, то есть изучения крестьянских сообществ в качестве самодовлеющей и самоценной социальной и исторической общности. Интересовали признаки, «индикаторы» проявления общеглобализационных процессов на микроуровнях крестьянской повседневной жизни: теоретические аспекты глобализационной матрицы в той мере, в какой они реализуются в самых низовых и периферийных социальных общностях.

В какой степени все это можно назвать экспедицией? В некотором смысле можно. Выход за пределы мегаполиса на значительное расстояние, погружение в неизвестную социокультурную и природную среду – это и есть экспедиция. Правда, в нашем кейсе речь в основном идет о создании постоянной экспедиционной базы, к которой привязываются «лучевые» экспедиционные вылазки, покрывающие достаточно большие пространства.

Итак, начало «Угорского проекта» – наглядный пример того, как случайная покупка деревенского дома в Костромской области постепенно способствовала перерастанию первоначальной чисто рекреационной мотивации горожанина в нечто большее, в фундаментальный и постоянный интерес к жизни села.

С начала 2000-х годов исследовательский замысел Н.Е. Покровского стал поддерживать Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ), что позволило привлечь коллег и организовать ежегодные междисциплинарные экспедиции в Костромскую область, проводить исследования, издавать книги.

Все больше и больше московских и не только московских ученых стало приезжать с научными целями в маленькую деревеньку Медведево в Угорской сельской администрации, а деревенский дом постепенно превратился в научный центр. Проект развивался на базе Сообщества профессиональных социологов с привлечением экономистов, философов, психологов. Сложилась междисциплинарная группа исследователей, в которую первоначально входили и по-прежнему входят психолог В.Ф. Петренко, социолог-крестьяновед В.Г. Виноградский, экономисты С.Н. Бобылёв, А.З. Бобылёва, социобиологи Л.М. Баскин, В.С. Зайцев, Е.С. Преображенская, демограф М.Б. Денисенко, кинооператор и фотограф В.Н. Иванов, позже присоединились социальные географы Т.Г. Нефёдова, А.И. Трейвиш, А.В. Дроздов, социолог В.И. Ильин, эконом-культуролог У.Г. Николаева, исследователи масс-медиа И.В. Кирия и С.Г. Давыдов и другие коллеги. В исследовательской группе представлены ведущие столичные и региональные университеты России и институты РАН.

Исследования идут, естественно, не спонтанно, а по четко прописанным программам, поддерживаемым РФФИ, Научным фондом НИУ ВШЭ, фондом «Хамовники».

Как-то в середине 2000-х годов в экспедицию приехал профессор А.Г. Барабашев, в те годы декан факультета государственного и муниципального управления НИУ ВШЭ. После всего увиденного Алексей Георгиевич принял оперативное решение создавать научно-исследовательский стационар своего факультета там же, у нас в Медведево. И этот проект успешно осуществился. Так что на сравнительно небольшом участке «фронта» сосредоточены большие силы столичных ученых. Фактически возник и оформился научный экспедиционный кластер.

Одна примечательная особенность, заслуживающая внимания. Все участники экспедиционного проекта – ведущие исследователи, а многие и признанные лидеры в своих научных дисциплинах. Это воистину ансамбль солистов. И потому все без исключения до предела загружены преподаванием и отдельными исследованиями в своих университетах и институтах. Но «Угорский проект» смог объединить их всех по принципу исследования-экспедиции как рекреации. То есть произошло естественное наложение этих двух сфер жизнедеятельности ученых. Если говорить проще, то сама практика показала, что члены объединившейся экспедиционной группы живут интересами науки и не мыслят проведение своего свободного времени в виде чистого отдыха, праздного ничегонеделания, «грибов-ягод-рыбной ловли», обсуждения сплетен из профессиональной и политической сфер и пр. Все обсуждения и жаркие дискуссии рано или поздно (скорее даже с самого начала) переходят на исследовательские вопросы, связанные с «полем», простирающимся за пределами экспедиционной базы. Просто потому, что у участников проекта нет другого всепоглощающего интереса, отличного от научного. При этом понятие «отдых» подразумевает в данном случае исследовательские практики, развивающиеся в свободном творческом формате. Это и есть «отдых». Поэтому, на мой взгляд, для специалистов высокого уровня можно говорить об *исследовании как рекреации и рекреации как исследовании*. Это несколько идет в разрез с привычным образом социологической и любой другой экспедиции в виде нескончаемой череды преодолений, об экстриме – представлении, связанном, если не с физическими угрозами, то, по крайней мере, с фатальными бытовыми трудностями: столько-то дней не спать, столько-то дней чего-то не делать еще ради нескольких строчек в отчете. Ничего подобного в экспедиционной деятельности «Угорского проекта» не происходит. И, надо надеяться, не будет происходить.

С самого начала экспедиционная база обустроивалась и расширялась, исходя из двух интуитивно одобряемых всеми принципов. Первое – обеспечение максимально доступных на современном уровне информационных услуг (широкополосный интернет, телеконференции, сотовая связь), проживания, питания и безопасности на среднеевропейском уровне. Инфокоммуникационное снятие удаленности локуса и его изолированности от внешнего мира. Второе – сохранение *внешней* архитектурной аутентичности домов, ландшафта, строительных материалов и пр. Иными словами, речь шла и идет о максимальной модернизации «внутри» и столь же максимальной охране визуальной эстетики «снаружи». При этом указанная программа никем специально не формулировалась. Она возникла сама собой как проявление «духа» экспедиции.

Принцип сохранения среды также переносился и на местные сообщества. В экспедиции не обнаружили себя интенции преобразовательной деятельности в социальной среде, и в этом смысле парадигма так называемой публичной социологии в духе Майкла Буравого с его партисипаторным абсолютизмом никогда не была близка членам группы. Социология всегда воспринималась ими, прежде всего и по преимуществу, как позитивная исследовательская дисциплина, изучающая объективную реальность. Прозелитизм и реформаторство выводились в сферу публичной деятельности властей, прессы и общественных организаций. Надо признать, немало исследователей внегородской России воспринимают свою научную работу не иначе, как особую миссию на Земле по спасению сельской России от бурь глобализации, как чистой воды прозелитизм. Участникам нашего проекта, как мне представляется, чужд идеологический компонент и мессианство какого-либо рода. Прежде всего, мы – социальные ученые, исследователи объективной социальной реальности и присущих ей процессов. Для нас – это диагностика, научное моделирование, а не наполненная политикой борьба за переустройство общества.

Ныне деревня привлекает и экспедиционеров иной масти. Они используют всякого рода постмодернистские рефлексивные приемы феноменологического конструирования реальности, «социологический эпистемологизм», бродят по селам в поисках рефлексии в своей неуспокоенной душе и постоянно конструируют абстрактные концепты «сами по себе». Как вы понимаете, такого рода спецы не для нас, их и нет в нашей экспедиции.

Ко всему прочему есть и другая крайность. Согласно сторонникам этой крайности, сельскую Россию могут изучать только сами выходцы из этой «корневой» России или, на худой конец, внестоличные ученые, ибо столичные ученые по определению отравлены своим снобизмом и больны «куриной слепотой» по части настоящей жизни народной.

Что тут скажешь? Надо изучать историю Отечества. В XIX веке все это уже было в жарких дискуссиях народников, «западников» и «славянофилов». Вот в эти дискуссии «Угорский проект» и не включается за неимением свободного времени и по причине того, что ставит перед собой совсем иные задачи.

2. Как формировалась и эволюционировала тематика Ваших полевых исследований? Связана ли она в большей степени со спецификой изучаемого региона, с интересами и теоретическими предпочтениями участников или с другими обстоятельствами?

Ученых, помимо теоретических аспектов глобализации, протекающей в микросреде, «клетках» общества, интересовало и нынешнее состояние российской деревни с ее традиционным укладом, сложными проблемами и перспективами на будущее, но не в качестве изолированной социальной группы, а в качестве органичной составной части всей социальной структуры общества. Ведь не секрет, что для коренных жителей больших городов и особенно столицы, деревня – это загадочный континент. При упоминании сельской России взгляд просвещенных столичных жителей обычно смурнеет и следуют типовые вопросы: «А там все пьют с утра? А зимой Ваши дома обворовывают дочиста?». Иногда складывается впечатление, что горожане вообще

хотели бы забыть о самом существовании сельской России как о большом национальном провале, об Атлантиде, которая погружается на дно цивилизации. А ведь это 38 млн жителей. Да и остров-то очень разнообразный для того, чтобы его хоронить. Для тех, кто обладает даже самыми начальными познаниями в области социологии, самоочевидно, что сельская Россия не может быть подвергнута аннигиляции, забыта и перечеркнута. Она зримо и незримо воздействует на все остальное общество, даже если это «костальное» общество об этом и не подозревает.

Во всем этом группе ученых и хотелось разобраться, отделяя традиционалистские мифы от реальности. Непрекращающийся кризис районов Ближнего Севера, перешедший в хронику, был налицо. Сама констатация кризиса ничего не давала. Но разобраться в его истоках и протекании самой болезни было более чем важно. При этом, шаг за шагом исследуя нисходящую траекторию развития не только в последние 20 лет, но и в течение многих десятилетий XX века, участники проекта одновременно видели, сколь огромен потенциал этих регионов, измеряемый не сиюминутной экономической выгодой, а последствиями перспективной трансформацией экономики и социальной жизни.

Первые тезисы проекта включали следующие представления (Покровский 2005):

- 1) В современной России город и село принадлежат к двум разделенным континентам социального уклада и живут раздельной жизнью, в асинхронных ритмах протекания социального времени.
- 2) В стране возникают смешанные сельско-городские сообщества, обозначающие формирование нового уклада новых социальных сил общества.
- 3) Эти тенденции вписываются в глобализационный дискурс современности.

Эти наблюдения возникли на фоне общей депрессии сельской жизни, и особенно сельского хозяйства, периферийных районов Нечерноземья в 1990–2000-е годы, которые не только не привели к «окукливанию» местного мирка, но, наоборот, способствовали подключению его к глобальным процессам.

Производство сельскохозяйственной продукции снизилось до критических величин и назвать его товарным рыночным крайне трудно, поля остаются незасеянными и зарастают кустарником и лесом. При этом остается все меньше спелых лесов. Однако на этом фоне парадоксальным образом в села шагнули современные технологии. Сотовые телефоны стали повседневностью, хотя власти, истратив уйму денег, с большим опозданием поставили посреди каждой деревни стационарный телефон, который всюду зарос травой, поскольку им никто не пользуется. Во многих местах стал доступен интернет. Над сельскими избами то тут, то там громоздятся тарелки спутникового телевидения. К этому добавляется экспансия современных форм потребления, разнообразие которых демонстрирует районный центр с его современными магазинами и обширным ассортиментом товаров, не уступающим московскому. Продолжается автомобилизация населения. Перед многими сохранившимися деревенскими домами стоят автомобили. При этом сильно отстают инфраструктура, в том числе дороги, даже федеральные, медицинское обслуживание и образование находятся на грани исчезновения. Зато пенсионное обеспечение на высоте, что сделало сельских пенсионеров при их сравнительно низких тратах на продовольствие при собственном огороде,

привилегированной кастой доходоприносящих граждан. Такой поворот событий приводит к окончательному загниванию местной экономики, превращению сельских сообществ в паразитное напластование на нефтяной экономике страны в целом.

Эти контрасты обусловили и направления исследований по «Угорскому проекту» в первые годы (приблизительно 2000–2006 годы). Они были связаны с поисками ответов на вопросы: 1) Обретает ли сельское население при сокращении численности некий внутренний баланс? 2) Привлечет ли пустеющая сельская местность новую волну горожан? 3) Что именно привлекает горожан, и как можно регулировать эти процессы институционально и экономически, чтобы создать стимулы развития сельской местности?

Таким образом, первый этап исследований был сфокусирован на многоаспектном исследовании кризиса сельской России в регионе Ближнего Севера. В итоге экспедиция пришла к неутешительному общему выводу. На фоне обвальной депопуляции местного населения происходит сворачивание хозяйственной деятельности во всех ее проявлениях. Освоенное пространство буквально на глазах сокращается и концентрически сжимается вокруг районных и областных центров. И единичные кейсы «одной счастливой деревни» (организованной по европейским образцам фермы, процветающего родового домохозяйства) абсолютно не меняли тренд. В полученном выводе не было ничего нового, но еще одно исследовательское доказательство этого вывода тоже имело свой смысл, так сказать «контрольный замер». Собственно говоря, на этом можно было бы и сворачивать всю работу и переходить к чистой рекреации без примеси науки, ибо исследовательское поле исчерпывало себя.

Но сама жизнь потребовала продолжения работы.

Стал набирать обороты процесс обратной миграции горожан из города в село. Сельские дома начали расти в цене и повально раскупались горожанами. Началась своеобразная «реколонизация» экологически, исторически и географически привлекательных зон. Это было действительно что-то новое, неожиданное, требующее и макротеоретического и эмпирического осмысления.

Постепенно вырисовывалась следующая картина.

Одно из проявлений постиндустриальных матриц в российском обществе можно увидеть в возникновении на селе новых сельско-городских сообществ («агрегаций») и новых видов сплоченностей (*cohesion*). В наши дни достаточно многочисленные социальные группы жителей больших индустриальных городов приобретают на правах личной собственности дома и наделы земли в отдаленных селах и деревнях.

На поверхности этот процесс, начавшийся еще в 1990-е годы, представлялся в виде вынужденного шага со стороны тех горожан, которые не могли обеспечить себя и свои семьи средствами для полноценного и современно организованного отдыха (туризма, санаторного лечения и т.д.), хотя субъективно аргументация новых «деревенщиков» могла быть и иной. В ряде отнюдь не единичных случаев первоначально присутствующая чисто рекреационная мотивация горожан переросла в нечто большее, а именно в фундаментальный и постоянный интерес к жизни села, к ведению хозяйства, к экономической, политической и культурной модерни-

зации сельских сообществ. Городская культура позволяет горожанам видеть огромные не реализованные возможности села во всех сферах жизни. Сельские жители, находясь часто в состоянии долговременной социальной и психологической депрессии, также осознают, что своими силами им не остановить процесс обвальной деградации и умирания села. Здесь смыкаются два процесса, два согласованных интереса и возникает глубинная органическая интеракция, которая в состоянии создать и уже стихийно создает и некие новые социальные структуры – сельско-городские (пока что незримые и нередко нераспознаваемые) сообщества.

Социальная база ожидаемых изменений связана с развитием так называемой «удаленной работы» и усилением миграционного оттока «креативного класса» из городов в разреженную сельскую местность. Поменяются полюса притяжения мигрантов. Города перестанут быть наиболее привлекательными, а в удаленной сельской местности главным станет не сельское хозяйство и даже не использование природных ресурсов, а производство интеллектуальных продуктов, главенствующее значение приобретут информационные коммуникации и физическая мобильность (там же). По идее именно потребности снизу, а не планирование сверху должны трансформировать в будущем и инфраструктуру. В более отдаленной перспективе обозначатся новые волны миграционного наполнения Ближнего Севера представителями среднего класса крупных городов, прежде всего Москвы и Санкт-Петербурга. От дачной рекреации сегодняшнего дня к закреплению на селе в формате «жидкостной миграции». Жидкостная миграция (термин Н.Е. Покровского) обозначает не оседлое закрепление в сельской местности, а круглогодичное проживание в ней с *постоянными* отъездами-возвращениями. При этом, однако, необходимые привязки к локусу проживания (например, немобильные члены семьи, символическая аффилиация с «малой родиной») сосредотачиваются в сельской местности по признакам наибольшей рациональности и оптимизации качества жизни, прежде всего – в экологическом отношении. Это одна из основных гипотез в проводимых и планируемых исследованиях «Угорского проекта».

Эта тема и стала ведущей исследовательской линией «Угорского проекта» с середины 2000-х годов по настоящее время.

Впрочем, о настоящем времени. Социальная реальность страны и мира 2014–2015 годов и, видимо, последующих лет, опять же на макроуровне, может оказать серьезнейшее воздействие и на процесс дезурбанизации и возвратной миграции из города в село. Сегодня явственно встают следующие вопросы: Сохранятся ли в условиях экономического кризиса тренды рекреационного освоения Ближнего Севера жителями мегаполисов? Не сменится ли тренд дачно-рекреационной миграции, роста экономики туризма трендом «бегства из мегаполиса» любым способом? Не получится ли так, что сельские регионы Ближнего Севера, не успев воспринять дачную миграцию, вновь погрузятся в социально-экономическую изоляцию? И как все это может в принципе повлиять на жизнь сельских сообществ? Все эти сценарии возможны, и их индикаторы присутствуют в той или иной комбинации в картине сельского мира на Ближнем Севере. Проблема в том, как будет развиваться процесс в перспективе.

3. Какие задачи в первую очередь решает экспедиция? Как в ней соотносятся исследовательские и образовательные цели? Какую роль экспедиции должны играть в образовательном процессе в целом?

В течение всех прошедших лет сформировался достаточно устойчивый организационный формат междисциплинарной экспедиции Сообщества профессиональных социологов. Внутрипроектные программы и подпрограммы формируются во круг руководителей направлений. Именно они планируют полевые исследования и привлекают для их реализации соответствующих специалистов, как правило, научную молодежь из числа аспирантов, магистров и студентов вузов и институтов РАН. Эти рабочие «полевые» группы действуют по своему графику. При этом результаты полевой работы, а также получаемые и обобщаемые данные постоянно обсуждаются на экспедиционных конференциях и семинарах. Иными словами, интеграция происходит в большей степени на этапе предварительного методологического дизайна исследования и на этапе обобщения его итогов. Как выясняется, это оставляет немалую степень свободы для руководителей направлений и приданных им исследовательских групп.

В тесной координации с программой конференции на конференц-базе «Угорского проекта» открылся «Сельский университет на Унже» – уникальный образовательный и исследовательский проект, призванный включить университетское преподавание в контекст внегородского жизненного мира, ориентированного на инвайронментальные ценности. В рамках «Сельского университета» организованы учебные курсы, мастер-классы и проектные лаборатории по следующим темам: «Теория и прикладные аспекты клеточной глобализации», «Социальное пространство России», «Драматургия социологического исследования российской глубинки», «Поведение потребителя рынка туристских услуг в условиях развития сельских территорий», «Природный капитал и “зеленая экономика” XXI века», «Проект эколого-культурного тура “Долиной Унжи. Вехи времени и пространства”» и др.

Учебные курсы и мастер-классы в рамках «Сельского университета на Унже» ведут известные ученые и педагоги: доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Института географии РАН Т.Г. Нефёдова, доктор биологических наук, профессор Института проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН Л.М. Баскин, доктор экономических наук, старший научный сотрудник кафедры демографии экономического факультета МГУ У.Г. Николаева, кандидат географических наук, сотрудник Института географии РАН А.В. Дроздов, доктор социологических наук, профессор СПбГУ В.И. Ильин, кандидат психологических наук, доцент СКСиТ КГТУ М.В. Данилина, доктор философских наук, профессор НИУ ВШЭ Ю.М. Плюснин, ординарный профессор, заведующий кафедрой местного самоуправления НИУ ВШЭ С.Г. Кордонский, доктор социологических наук, профессор НИУ ВШЭ Н.Е. Покровский и др.

Студенческие лаборатории начали свою проектную работу и моделирование в ходе программы «Сельского университета на Унже» (май 2014 года) и продолжили деятельность в течение последующего периода по отдельным программам с использованием дистантных форм работы.

4. Охарактеризуйте методику проводимых полевых работ и особенности координации таких проектов в качестве руководителя экспедиции. Удастся ли реализовать коллективный дизайн исследования или более продуктивной является стратегия координации индивидуальных/групповых мини-исследований, объединенных единством места и времени?

Полевые исследования в рамках «Угорского проекта» ведутся по динамично сформировавшимся направлениям, за которые отвечают соответствующие группы. Каждая группа формирует свой план полевых исследований с использованием соответствующих методов. Все это обобщается в единую картину на заседаниях, конференциях, в наших ежегодных отчетах, направляемых в научные фонды, спонсирующие проект, и, разумеется, в публикациях, главной из которых стала коллективная монография (Покровский и Нефёдова 2014).

Перед руководством проекта никогда не стояла задача создать некий единый исследовательский коллектив, работающий так, словно это институт РАН. Как указывалось выше, проект был и остается в значительной степени «дополнительным», рекреационным («с душой», существующим как возможность самовыражения). Оказывается, при известных условиях (прежде всего, это высочайший уровень ключевых действующих лиц и их абсолютное умение «самонастраиваться» на работу) исследования идут ничуть не хуже, чем по старым схемам жесткого регулирования. Не только не хуже, а чаще всего и много лучше. Это один из уроков «Угорского проекта», его, можно сказать, экспериментальный замысел, вполне себя реализовавший. Разумеется, был и остается большой объем организационной и административной работы. В эту работу минимально вовлекаются исследователи, она ведется аппаратом Сообщества профессиональных социологов.

5. Что дал опыт выездных полевых исследований лично Вам? Насколько Вы удовлетворены результатами? Какие коррективы в работу Вы, возможно, хотели бы внести в будущем?

На сегодняшний день (весна 2015 года) можно сказать, что экспедиция «Угорского проекта», действующая на базе Сообщества профессиональных социологов, активно развивается. Все основные направления ее активности не только сохраняются, но получают дальнейшие стимулы к развитию. Проект привлекает все большее внимание научной общественности в России и за рубежом. Все основные средства массовой информации и интернет в России посвятили ему специальные публикации. Местные власти, областная администрация Костромской области постоянно используют площадку экспедиционных конференций для продуктивного диалога с учеными. В экспедиции много молодежи, и это верный признак плодотворности избранного пути.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Покровский, Никита. 2005. «Тенденции клеточной глобализации в сельских сообществах современной России: теоретические и прикладные аспекты». С. 4–10 в *Современный Российский север. От клеточной глобализации к очаговой социальной структуре*, под ред. Никиты Покровского и Сергея Бобылёва. М.: Сообщество профессиональных социологов.
- Покровский, Никита и Татьяна Нефёдова, ред. 2014. *Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения. К 15-летию Угорского проекта*. М.: Логос.
-
-

THE SOCIOLOGICAL EXPEDITION AS RESEARCH PRACTICE AND A FORM OF HANDS-ON FIELDWORK TRAINING

Nikita Pokrovsky

Nikita Pokrovsky is Professor and Head of the Department of General Sociology, School of Sociology, Faculty of Social Sciences at the National Research University–Higher School of Economics. Address for correspondence: ul. Miasnitskaia, 9–11, Moscow, 101000, Russia. npokrovsky@hse.ru.